

Бездна

В Бездне не бывает солнечного света. Всё вокруг тонет в непроглядном мраке, и лишь изредка его прорезает тусклое фосфоресцирующее свечение чужеродных минералов да ядовитых грибов.

Поэтому все твари, обитающие здесь, отрастили глаза, способные видеть в кромешной тьме.

Акихара не был исключением.

С момента его рождения прошло всего около двух лет, но из-за уникального происхождения он уже выглядел как развитый подросток. В этом жестоком, пропитанном кровью подземном мире ему приходилось выгрызать право на жизнь каждый божий день, сражаясь с другими претендентами за право занять костяной трон Владыки Демонов.

В тот день всё шло как обычно. Он прикончил парочку демонов, попытавшихся устроить засаду, добыл на ужин тушу крупного зверя и уже собирался вернуться в своё временное убежище.

Таков был его план. Но его прервал странный звук.

— Братик... Братик, пожалуйста, не умирай... Слышишь? Братик...

До крайности нелепый, чуждый этим гиблым местам человеческий язык эхом разнёсся под тёмными сводами. Вместе с ним ветер принёс густой запах свежей крови. Столь резкий контраст мгновенно привлёк внимание Акихары.

Когда-то он тайно покидал Бездну и выбирался в людские земли, поэтому без труда понимал их речь.

Этот дрожащий голосок принадлежал испуганному ребёнку, который пытался дозваться до умирающего старшего брата.

Судя по всему, тот действительно находился на пороге смерти. Акихара уловил едва заметный, приторно-сладкий шлейф гниения — верный признак угасания искры жизни.

Сегодня Акихара знатно намаялся: за его плечами была тяжёлая битва с демонами и утомительная охота. Силы были на исходе, и тратить время на каких-то безродных человеческих детёнышей ему совершенно не хотелось.

Скорее всего, эти двое были чьим-то живым запасом провизии. Какая-то тварь держала их в загоне, но они уловили момент и сбежали. Глупый, бессмысленный побег.

В Бездне им всё равно не выжить — рано или поздно их поймают и сожрут.

Акихара безучастно скользнул взглядом мимо них, собираясь уходить.

— Кхм... кх... Не смей... не смей оставаться со мной. Беги! Быстрее, беги! — неожиданно захрипел старший, приходя в себя. Он судорожно цеплялся за жизнь и пытался заставить младшего спастись.

Какая глупость.

Младший мог бы сбежать, но упрямо сидел на месте, добровольно обрекая себя на смерть.

Старший, чьё сознание уже угасало, мог бы умереть быстро и безболезненно, но продолжал цепляться за ускользающие крупы бытия, шепча слова, которые Акихара считал верхом нелепости.

Запах человеческой плоти уже привлёк внимание затаившихся в темноте хищников. Ещё немного, и они оба превратятся в разорванное мясо.

Почувствовав приближение тварей, Акихара развернулся, чтобы уйти.

Перед уходом он бросил на них последний взгляд. Глаза, идеально приспособленные к темноте, запечатлели финал этой маленькой трагедии.

Старший брат испустил дух.

А младший... вонзил нож себе в грудь.

Едва они затихли, на тела набросились голодные хищники. Но Акихару зацепил этот странный исход, столь непохожий на его собственные расчёты. Из чистого любопытства он перехватил их души до того, как они растворились, и поместил их в деревянные марионетки.

— Зачем ты это сделал? Зачем убил себя? — спросил он у младшего.

Акихара был искусен в ремесле: куклы вышли складными и точными. Правда, их век был короток — всего пара дней, после чего души окончательно развеются. Ну, или их можно было обратить в личей, чтобы подарить вечное существование.

Кукольные братья крепко обнялись. Тот, что поменьше, поднял на Акихару свои деревянные глаза-бусины и ответил:

— Я не хотел, чтобы брат уходил один. наших родителей давно нет, мы были друг у друга единственной опорой. Раз его больше нет, то и мне жить незачем.

Ответ оказался до смешного простым.

В понимании Акихары это означало лишь одно: у слабого мальчишки не было сил выжить в одиночку, поэтому он предпочёл добровольную смерть.

— Всё верно. Ты слаб, — констатировал он.

В Бездне, где правил закон клыка и когтя, сила была единственным мерилем ценности. Акихара искренне считал, что у этого заморыша не было ни единого шанса.

Деревянные братья переглянулись своими круглыми нарисованными глазами. Они поняли, что этот сильный и грозный юноша истолковал их мотивы по-своему.

— Кажется, вы нас не так поняли, — мягко произнёс старший брат-марионетка, пытаясь утешить своего спасителя. — Но ничего страшного. Если когда-нибудь у вас появится брат или семья... вы всё поймёте. Быть одному — слишком горько. Каждому нужен тот, ради кого хочется жить. Человеку жизненно необходим свет солнца, а семья... Семья — это дар небес.

Даже после того, как духовная нить марионеток истончилась, а души братьев навсегда покинули этот мир; даже после того, как сам Акихара сокрушил всех конкурентов и взойшёл на костяной трон Владыки Демонов, он так и не смог постичь суть этих слов.

"Семья — это дар небес"

Он был порождением самого мира, грозным демоном, рождённым из законов тьмы. У него не могло быть кровных родственников. И уж тем более он не мог получить подарков от богов, которые спали и видели, как бы поскорее уничтожить молодого повелителя Бездны.

Так что же такое семья?

Акихара смотрел своими привыкшими к вечной тьме глазами на залитый солнцем мир людей, но не находил ответа.

Поместье клана Годзё

Когда температура тела новорождённого поднимается выше сорока одного градуса, счёт идёт

на часы. Для младенцев этот порог куда опаснее, чем для взрослых, — смерть наступает стремительно.

С тех пор как Сатору увезли из больницы, прошло чуть больше двух часов, и всё это время жар буквально плавил его крошечное тело.

Отец мальчика, Годзё Косукэ, даже не заметил, что с ребёнком творится что-то неладное. А если и почуял недоброе, то лишь отмахнулся. В его глазах Сатору был не сыном, а драгоценным сосудом для Шестиглазого и легендарной Техники Безграничности. Его волновали перспективы клана, величие семьи и мощь пробудившегося дара, но никак не жизнь самого младенца.

Четвёртый старейшина, Годзё Кэё, понимал, что температура запредельная. Но и он не придавал этому значения. Подумаешь, младенец приболел — обычное дело. Тем более у мальчика только что пробудилась проклятая техника, а такие метаморфозы всегда сопровождаются лихорадкой. Чего паниковать? Он ведь уже распорядился позвать лекарей, этого более чем достаточно.

«Дитя Бога» священно и неприкосновенно, это правда. К нему нужно относиться с величайшим почтением. Но старейшины считали, что Сатору обязан пройти через это испытание. Он ведь будущий маг-дзюцуси, его судьба — сражаться с проклятыми духами не на жизнь, а на смерть. Если он не сможет совладать с собственной силой на стадии пробуждения, то грош ему цена.

Так думал Кэё, так думало большинство старейшин клана Годзё. Они привыкли мерить жизни полезностью и суровыми традициями.

Вот только Годзё Акихаре было глубоко плевать на их традиции и правила.

— Кэё... Кэё-сама мёртва!!!

Крик ужаса разорвал тишину поместья. Обезглавленное тело Четвёртого старейшины и его застывшая в гримасе вечного шока голова, валяющаяся на забрызганном кровью полу, повергли слуг и магов в неопишемую панику.

В это же время в саду неподалёку разгоралось злое чёрное пламя. Оно медленно, но неумолимо пожирало вековые деревья, обращая в пепел всё, к чему прикасалось.

Тяжёлые грозовые тучи заволокли небо над поместьем клана Годзё, словно сама природа содрогнулась от предчувствия чего-то неопишимо жуткого. Запах смерти, тяжёлый и осязаемый, пополз по коридорам.

— Других вариантов нет? — холодно спросил Акихара, глядя на парящую перед ним системную панель.

Система была частью его собственной души, его личным инструментом, лишённым эмоций и мыслей. Если даже она выдавала неутешительный вердикт, значит, обычные методы действительно были бессильны.

[Получен ответ на запрос: Магия воскрешения]

[Предупреждение: использование Запретного заклинания «Магия воскрешения» является единственным гарантированным способом стабилизации состояния цели]

Да, у него и у клана Годзё имелись артефакты и зелья, способные временно сбить жар. Но их эффективность была ничтожно мала. Более того, попытка подавить пробуждающуюся силу извне могла спровоцировать мощнейший откат, который попросту выжжет каналы проклятой энергии Сатору.

Акихара бережно отвлёл влажные от пота волосы со лба малыша. Проклятая энергия в теле Сатору была практически на нуле. Его мозг, перегруженный бесконечным потоком информации от Шестиглазого, работал на пределе возможностей, а непрерывно активная Техника Безграничности пожирала последние крохи жизненных сил. Лихорадка разрушала младенческий организм изнутри, грозя превратить мозг Дитя Бога в бесполезную кашу ещё до того, как его добьёт высокая температура.

— Почему техника пробудилась так рано?

Акихара прекрасно помнил исторические хроники. Даже тот великий предок, который одновременно владел Шестью глазами и Безграничностью, пробудил свой дар лишь к году.

Сатору же был совсем крохой. Каким бы гениальным он ни был, его тело физически не могло быть готово к такой нагрузке.

[Анализ причин невозможен. Согласно косвенным данным, феномен вызван смещением баланса сил в данном мире]

[Пояснение: текущая реальность базируется на системе проклятий. Рождение субъекта «Годзё Сатору» радикально подняло общий лимит силы магов-дзюцу, что привело к мгновенному нарушению хрупкого равновесия между людьми и проклятыми духами]

Это не означало, что появление Сатору автоматически сделало человечество сильнее. Нет, средний уровень магов остался прежним. Но планка максимально возможной силы взлетела до небес.

Представьте кувшин, который внезапно увеличился вдвое. Объём остался тем же, но пустоты стало гораздо больше.

И эту пустоту мир пытался спешно заполнить.

Но почему из-за этого должен страдать новорождённый ребёнок?

В своей прошлой жизни Акихара тоже в одиночку поднял планку силы всей Бездны, будучи её владыкой. Но с ним ничего подобного не происходило.

Дело в разнице законов миров? Или в том, что Сатору слишком мал и слаб?

Вдруг Акихара уловил стремительно приближающиеся шаги. К комнате стягивались элитные бойцы клана — личная гвардия старейшин, среди которых было немало опытных магов-дзюуси. Они пришли уничтожить чужака, посмевшего пролить кровь старейшины в самом сердце их семейного гнезда.

— Вон.

У Акихары не было ни времени, ни желания тратить силы на этих ничтожеств. Когда гвардейцы ворвались в двери, он лишь слегка приподнял веки, и его алые глаза полыхнули первобытной яростью.

В то же мгновение воздух в комнате сжался, превратившись в невидимый таран. Мощнейший порыв ветра сорвал двери с петель и буквально вышвырнул нападавших в коридор, ломая им кости и сминая доспехи.

— Раз этот мир так жаждет твоей смерти... мы просто уйдём в другой, — тихо произнёс Акихара, глядя на тяжело дышащего Сатору.

Разгадка причин лихорадки могла подождать. Сейчас важнее всего было вырвать ребёнка из тисков этой реальности. Если этот мир убивает его своей проклятой энергией, то спасение лежит за его пределами.

Межмировые переходы были для него делом привычным.

Едва эта мысль сформировалась в его голове, система мгновенно начала расчёт координат.

[Активация магии пространства]

[Поиск доступных координат целевых миров]

[Формирование стабильного магического канала]

Под ногами Акихары вспыхнул сложный, геометрически выверенный магический круг, отливающий глубоким пурпуром. Из его центра хлынула потусторонняя гравитация, начавшая затягивать в себя обломки мебели и пыль в радиусе сотни метров.

Акихара крепче прижал к себе Сатору и уже занёс ногу над краем портала, как вдруг в его сознании раздался отчаянный, вибрирующий голос.

"Стой! погоди! куда ты уводишь Шестиглазого?! Он принадлежит этому миру!"

Акихара замер. Его брови слегка приподнялись.

"Кто ты?" — мысленно бросил он в пустоту.

"Я — воля этого мира, его живое сознание! Я могу объяснить тебе, почему мальчик угасает! Но ты не должен забирать его! Если Шестиглазый исчезнет, некому будет сдерживать скверну и злобу этой реальности!"

"И ради этого ты предлагаешь младенцу стать громоотводом для всей вашей грязи?" — Акихара презрительно усмехнулся.

Воля мира затрепетала, пытаясь оправдаться. Он твердил о том, что рождение Сатору спровоцировало лавинообразный рост проклятых духов. Рождалось всё больше жутких тварей, сеющих смерть и хаос, а людская злоба и страх питали их, грозя захлестнуть планету. И только Шестиглазый, став живым щитом, мог удерживать этот баланс.

"Мне плевать", — оборвал эти причитания Акихара.

"Мне нет дела до жизней этих людей. И на твой убогий мир мне тоже плевать."

Он сделал уверенный шаг прямо в ревущую бездну портала, а его губы искривились в холодной, издевательской усмешке.

— Если ваш хваленый баланс держится на плечах ребёнка, который ещё даже ползать не научился... то цена этому миру — грош. Вы просто кучка немощных ничтожеств.

Если человечество не способно выжить без младенца в качестве щита, пусть оно сгорит дотла.

Акихара слишком долго шёл к тому, чтобы стать человеком. И он сделал это не для того, чтобы нянчиться со стадом высокомерных старых глупцов.

В крошечной тьме Бездны его глаза искали свет.

И этим светом была его семья.

Единственное, ради чего он готов был перевернуть небеса и землю.

<http://bllate.org/book/19395/1985579>